

Но несколько дней назад его рабочий компьютер внезапно завис, и на черном экране всплыла ярко-красная анкета.

[Скажите, жаждете ли вы семейного тепла? Мечтаете ли обрести уютный дом?]

Юй Цин на миг замешкался и нажал [Да].

А затем, когда пришло время возвращаться с работы, станцию метро закрыли без всякого предупреждения.

Юй Цин прождал почти час, так и не поймал такси и, сам не заметив как, сел в ветхий дребезжащий автобус.

Автобус скрипел и раскачивался из стороны в сторону, а путь всего в пять остановок растянулся до самого рассвета.

Постепенно его сморил сон. Он уронил голову на грудь, а когда вновь открыл глаза, уже оказался дома.

Это место выглядело точь-в-точь как его собственная квартира, вот только в ней откуда-то появились незнакомые папа и мама.

Снующие повсюду Клоуны-убийцы, абсурдное экстренное сообщение от мэра...

Полный хаос!

Это... ненормальный мир!

— Я... я... — Юй Цин нервно теребил пальцы, в уголках его глаз привычно навернулись слезы.

Лицо у него было мягким, округлым, а от природы крупные миндалевидные глаза придавали облику еще более невинный и искренний вид:

— Я... я вчера нес вам с мамой десерт, но по дороге меня случайно толкнули и все рассыпалось. Я разозлился и убил его... Я правда не специально.

Он помнил те обрывки правил из телевизора: перед родителями нужно быть предельно честным.

Если солгать, случится беда.

Поэтому он словно между делом упомянул само убийство и на одном дыхании затараторил:

— Я знаю, как вы с папой устаете каждый день, вы оба голодные, а я никуда не годный сын. Мне не следовало ронять сладкое, это все моя вина! Пожалуйста, накажите меня, я обязательно...

— Ладно... э-э... полно тебе, — перебила его мать. — Я-то думала, стряслось чего! Ничего страшного.

Договорив, она на мгновение замерла – очевидно, так и не уловив ключевую суть признания. Ее ледяная ладонь скользнула по его плечу:

— Скоро обед, а отцу еще на работу идти. Посиди с ним, поболтайте пока.

С этими словами она, бормоча под нос, побрела обратно на кухню, и в ее голосе сквозило горькое разочарование:

— В доме опять мяса не хватает... Сегодня столько съесть уже не получится...

Мать скрылась из виду.

Однако обиженное выражение на лице Юй Цина никуда не исчезло. Он робко переступил с ноги на ногу и медленно приблизился к отцу:

— Но... мне все равно так совестно...

— Вы... так тяжело работаете. Может быть... пока мы ждем обеда, я помогу вам побриться?

«?», – более чем странная просьба.

Отец настороженно уставился на него.

Но в глазах Юй Цина дрожали слёзы. Он чуть согнулся в заискивающем поклоне и заговорил тихо и робко:

— Я просто заметил, что щетина отросла... Ничего... ничего больше...

Язык у него начал заплетаться, слышались всхлипы, словно он до смерти боялся оступиться и навлечь беду.

Отец буравил его взглядом. Глаза медленно повернулись в глазницах, а на лице проступило надменное выражение — похоже, неподдельный страх сына пришёлся ему по вкусу.

Он откинулся на спинку дивана и снисходительно похвалил:

— Заботливый.

После чего расслабился и медленно прикрыл глаза.

И лишь в этот миг Юй Цин наконец достал предмет, который все это время прятал под просторным пальто...

Отрубленную руку, заскорузлую от засохшей крови, сжимающую нож!

Руку Клоуна!

Да, Юй Цин находился здесь далеко не первый день. Он торчал в этом месте целых одиннадцать дней!

Одиннадцать долгих дней! Он смутно помнил, как при выходе из автобуса в голове неожиданно зазвучал механический женский голос.

Ему сообщили: продержись здесь десять дней - и получишь награду.

Но ничего не произошло!

Он изо всех сил цеплялся за жизнь, постоянно обходя местную нечисть стороной.

Шел одиннадцатый день. Никакой награды, никакого выхода.

Всепоглощающее отчаяние душило Юй Цина, превращаясь в глухое раздражение.

В итоге он специально выбрал ночь, вышел на улицу, купил родителям десерт, а затем - бам...

Швырнул коробку со сладостями прямо в ослепленного жаждой крови Клоуна, после чего зарезал тварь прямо посреди дороги и отсек ей руку.

После этого собственное запястье заболело так, будто его переломили надвое, и мучительно ныло целый день — словно в наказание.

Юй Цин все понял: ему нельзя было самовольно убивать «людей».

Но раз в этом городе только Клоунам дозволено безнаказанно резать «людей», тогда...

«Папа, счастливого пути».

Лицо Юй Цина было кругловатым, а если приглядеться, на щеках даже оставалась легкая детская припухлость. Он стиснул зубы и изо всех сил сжал руку Клоуна, направив лезвие острием вниз.

Вжих...

Грудь отца оказалась полностью вспорота. Никакой крови не было – из пустой полости лишь лениво повалил черный дым.

Юй Цин, уже приготовившийся к тому, что его с ног до головы забрызгает кровью, застыл от неожиданности.

Словно чудом избежав смертельной кары, он ощутил, как к бледному лицу возвращаются краски, а грудь тяжело и часто вздымается.

— Пап, прости, прости, пожалуйста! — Его разум лихорадочно заработал, все еще неукоснительно следуя правилу абсолютной честности перед родителями. В залитых слезами глазах читалось раскаяние:

— Я... я просто хотел тебя побрить, рука соскользнула...

Не теряя ни секунды, он тут же повернулся в сторону кухни:

— Мам, у нас мяса мало? Я сбегая докуплю!

Мать, казалось, так истосковалась по еде, что согласилась не раздумывая.

Этого времени хватило, чтобы выволочь отца за порог, отрезать от него пустую руку и несколькими быстрыми шагами вернуться на кухню.

Шлеп – и рука с глухим звуком опустилась на разделочную доску.

Природа одарила Юй Цина безупречным, фарфорово-белым и невинным лицом.

Мягкий голос, угольно-чёрные глаза, длинные белые пряди, плавно соскальзывавшие на плечи при малейшем наклоне головы, — весь его кроткий и нежный облик невольно вызывал симпатию.

— Мам, я принес мясо...

Не успел он договорить, как черты лица стоящей перед ним матери начали искажаться. От ее некогда грациозного тела повалил густой черный дым, а туловище от пояса в обе стороны принялось мутировать, теряя человеческий облик.

Юй Цин продолжал безмятежно улыбаться, будто ничего не замечая:

— Что такое, мам? Что-то не так?

Говоря это, он незаметно переступал ногами к выходу из кухни. Едва перешагнув порог, он с грохотом захлопнул дверь.

Из-за двери тут же донеслись бешеные, яростные удары:

— Цин-Цин! Цин-Цин!

Мать будто охватил дикий ужас. Она истошно завизжала:

— Ты не то мясо купил! Ты купил не то мясо!

Юй Цин пропустил ее крики мимо ушей. Он изо всех сил навалился на дверную задвижку и, лишь когда засов со щелчком встал на место, тяжело и прерывисто выдохнул.

Значит, эти твари прекрасно всё различали и не ели себе подобных.

Дверь вот-вот разлетится в щепки...!

Тук-тук-тук...

Внезапно! Входную дверь сотряс стук. Сердце Юй Цина екнуло, и он настороженно уставился на прихожую.

В квартиру тонкой струйкой просачивался черный дым, принося с собой удушливый, густой запах свежей крови.

Тук-тук-тук...

— Кто там?

Тук-тук-тук...

Кулаки Юй Цина сжались еще сильнее. Он уже собирался переспросить, как вдруг послышался резкий скрежет...

Острые ножа пробило входную дверь насквозь. С лезвия капала алая кровь.

Сердце Юй Цина снова подскочило к самому горлу. Затаив дыхание, он на цыпочках скользнул в сторону, осторожно отодвинул край занавески и украдкой выглянул в маленькое смотровое окошко...

За дверью стояла фигура с зажатым в руке тесаком. На лице застыла маска шута, сулящая неминуемую гибель, а вся одежда была перепачкана багровыми брызгами.

Почуввав запах живого человека, Клоун с безумной ухмылкой принялся остервенело полосовать лезвием дверное полотно!

Вж-жих...

Вж-жих...

Белая деревянная дверь жалобно стонала. Звук разрываемой древесины становился все яростнее и громче – преграда была на пределе и вот-вот должна была рухнуть!

Кадык Юй Цина судорожно дернулся. Бежать было некуда, и он медленно, шаг за шагом, отступил обратно к запертой кухне...

<http://bllate.org/book/19796/1954182>